УДК 316.4.066

Страдзе Александр Эдуардович

директор Департамента дополнительного образования детей, воспитания и молодёжной политики Министерства образования и науки Российской Федерации
editor@hist-edy.ru

СОЦИАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ РОССИЯН

В статье анализируются социальные изменения в российском обществе в контексте социальной активности. Автор рассматривает специфику социальной активности в российском обществе и делает вывод о том, что на настоящий момент социальная активность дифференцирована и не имеет устойчивого ядра.

Ключевые слова: **социальная активность, социальные изменения, социальный субъект, социальная деятельность.**

Stradze Alexander Eduardovich

Director of the Department of Additional Education of Children, Education and Youth Policy of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation
editor@hist-edy.ru

SOCIAL CHANGES IN RUSSIAN SOCIETY IN THE CONTEXT OF SOCIAL ACTIVITY OF THE RUSSIANS

The article analyzes the social changes in the Russian society in the context of social activity. The author considers the specifics of social activity in the Russian society and concludes that the current social activity is differentiated and has no stable core.

Key words: **social activity, social changes, social subject, social activities.**

Отмечая, что социальная активность дифференцирована и не имеет устойчивого ядра, хотя на этот статус претендует стратегия условной поддержки, мы должны учитывать, что в российском обществе отношение к социальным изменениям неоднозначно. С одной стороны, россияне хотели бы, чтобы общество и государство двигались в общем цивилизованном русле, чтобы в России сформировалось правовое и социальное государство, соответствующее заявленным конституционным параметрам. С другой стороны, изменения воспринимаются с осторожностью и отрицанием, так как ассоциируется с очередными сдвигами, ухудшающими социальное положение большинства населения. На этот счет, в определенной степени сказать, что российское общество и устало от перемен и одновременно жаждет их, такая парадоксальная формулировка, указывает на то, что изменения, произошедшие в обществе, воспринимаются как не обратимые, но не приведшие, в целом, к положительным результатам. Социальная паралелизация общества, деградация окружающей среды, деиндустриализация, снижение личной и общественной безопасности все это укладывается в мозаику негативных оценок, и не случайно, что современный период большинство россиян (58%) принимают как кризисный [1].

Вероятно, здесь играет и фактор сравнения, по отношению к предшествующей российской историей, а также к тому, что мы можем назвать передовыми западными образцами, такими как они представляются в сознании россиян. Очевидно, что во много, позиция населения из того, что Россия в ближайшем будущем, не достигнет опыта, тех стран, которые в период перестройки воспринимались как эталонные Швеция, Франция. Очевидно и то, что россияне не безразличны к тому, что Россия может оказаться, в зоне третьего, а то и четвертого мира. Вот почему социальные изменения дифференцируются по оценкам населения, и конечно здесь играет роль как социально статусные определения, так и мировоззренческие ориентиры. На наш взгляд, социальная активность преимущественно отождествляет с социально-трансформационностью российской элиты, с теми, кто держит рычаги управления социальной, экономической и контроля социальной и политической сферы.

Также следует понимать, что как отмечалось ранее, высокий уровень интенсификации социальной активности на социальном микроуровне означает как неминуемое последствие передачи ответственности за системные изменения в компетенцию профессиональных политиков и организаторов. Общественные организации, которые представляют собой процесс структурации и институционализации социальной активности, имеют профессиональное ядро, но профессиональные активисты не пользуются известностью и престижностью среди населения, в той степени, чтобы говорить, что они представляются инициаторами тех перемен, по тем или иным причинам, не желает принимать власть.

Как показывает опыт, предшествующий десятилетий, общественные организации традиционно сосредотачивались на критике действий власти или в попытки осуществления ее решения, но

не являлись инициативной силой способной стимулировать власть к изменениям, на основе репрезентации общественных интересов. Социологические данные показывают, что существует настоятельная потребность в совершенствовании проводимой в России политики социальных изменений, и, учитывая, что этот факт, не удивительно, что среди большинства россиян (73%), оценивающих ситуацию в стране как проблемную, кризисную, намечается потребность в социальных изменениях, которые бы означали бы не просто антикризисность, но и предотвращение кризисных явлений [2].

За высокую степень регулирования социальной активности высказываются те, кто считают, что их жизнь складывается плохо, как раз они принадлежат антисистемному воззрению и радикальному социальному протесту, а представители базисных слоев населения, для которых не представляются идеальной, но имеет определенные перспективы улучшения. Являясь индефферентными к социальной активности, к ведущему фактору социальных изменений, респонденты полагают, что научились жить в эпоху изменений. Но эти изменения должны хотя бы пониматься по своим целям и способам населения не иметь скрытые неучитываемые последствия. При этом россияне значительно чаще обращаются не к проблеме собственного возрастания социальной компетентности, для них ясно, что позиция государства, в любом случае должна согласоваться с позицией общественного большинства [3]. Данная картина достаточно хорошо отражает специфику сегодняшней России, в которой разные типы мировоззрения взывают к той или иной степени к государству как инициатору социальной активности.

Как признает И.А. Халий, в российском обществе, вовлеченным в общественную деятельность оказываются штатные сотрудники, партийные партнеры, сторонники, добровольцы, граждане, дети и молодежь, поддерживающие цели и ценности организации [4]. Если следовать этой классификации, то те (6%) россиян, которые участвуют в активной общественной деятельности, конечно, не создают критической массы, которая бы говорила, что граждане формируют отношение к социальной активности, как ведущему фактору социальных изменений. Общественная поддержка, которая высказывается изменениями, действительно имеет позитивное значение, но она достаточно условна и для мобилизации общества на действия, не является недостаточной. Если определять что развитие общественных движений пришлось на конец 1980-х гг., когда страна массовой активностью, на появившиеся социально-экономические преобразования [5].

Мы можем наблюдать безусловный спад социальной активности, который часто описывается как разочарование в переменах или период социального оцепенения. На наш взгляд, здесь сыграла свою роль переоценка политической активности признавалась как наиболее ведущая и влиятельным фактором влияния на переменны, обнаружила свои пределы и в отношении правящей элиты к участию граждан, и в том, что общество, не достигло, понимая того, что на современном этапе, гораздо требуется низовая, не связанная с высокими стратегическими целями активность. Видимо, нахождение в состоянии распутья, того какими должны быть массовые общественные движения, в какой степени их взаимодействие с властью влиять на перемены ожидаемые обществом и главное, что понимать под социальными переменами, формирующими в обществе отношение к социальной активности, как обязательному социальному качеству. Касается самих критериев активности того, что понимать под включенностью в процесс социальных изменений, используемые критерии, как, прежде всего, как участие граждан в общественных организациях, являясь наиболее ясными, в тоже время, не говорят о специфике активности, о том, в каких формах она осуществляется и каким организациям она принадлежат гражданам.

Сложилась ситуация в которой политическая активность дискредитировала себя, а легитимации собственно социальной активности не произошло, еще более отчетливо проявилась зависимость между активностью оценок влияния социальной активности от самооценок уровня обладания властью. Можно сказать, что социальная активность, которая не связана с властными позициями, часто трактуется заведомо бесполезное, бесцельное, что для социальной активности важным является признание ее в качестве фактора, властными структурами.

Наиболее распространенной, в связи с этим, формой влияния на ускорение или замедление социальных изменений, является демонстративная активность. Активность, связанная с тем, что на уровне вербальной и не обязательно ведущей к активной действиям позицией, россияне одобряют или осуждают те или иные ожидаемые перемены. Такой мониторинг общественного мнения, в принципе является полезным, но оставляет равнодушным население именно к массовым социальным действиям, связанным с действительным резонансом от намечаемых или происходящих перемен. Выступая сторонниками сдвига общества к решению насущных социальных проблем, проявляется позиция условной поддержки, то есть большинство хотели бы видеть изменения, и даже влиять на их содержание и направленность, если действительно эти изменения принесут

очевидную и ощутимую пользу в настоящем, а не в отдаленном будущем. Вот почему общество достаточно прохладно относится, например, к стратегическим целям реформирования образования, но испытывает негативные эмоции по поводу углубляющейся коммерциализации образовательных услуг и повышения платы за обучение.

Если согласиться с утверждением, что подавляющее большинство «не участвует» можно сделать вывод о том, что в российском обществе именно активность элиты определяющим в социальных переменах. Но как раз российские элиты показывают достаточно консерватизма и исчерпания социально-трансформационного потенциала. Чрезвычайно важным, для понимания влияния социальной активности, становится инновационная деятельность граждан в экономической и в социальной, и в культурной сферах. Наиболее воплощенным вариантом является активность Интернет сообщества. Интернетом пользуются регулярно от 45% до 59% россиян, которые представляют, несмотря на несовершенство форм социального взаимодействия, своеобразный общественный форум и демонстрирует высокий тип социальный мобильности, по сравнению с традиционными организациями. Стоит отметить, что на эту особенность обращает внимание и российская элита, когда речь заходит об идее формирования электронного правительства, выборов по Интернету и других демократических согласительных процедур.

Провозглашенный в свое время на модернизацию обнаружил в обществе достаточно высокий уровень интереса к намеченным целям, хотя и сопровождался достаточно скептическими оценками. Полагая, что действительно российское общество стагнирурет и дело не в улучшении показателей материального благополучия, а в постоянно воспроизводстве проблем, запросы россиян, на ведущий тип социального развития, связывался с тем, чтобы руководители государства учитывали, о том, что и как нужно изменить в стране [6].

С другой стороны, только 9% россиян будут способствовать развитию демократии и повышению общественно-политической активности граждан. Подобное противоречие снимается тем обстоятельством, что, во-вторых, для большинства граждан социальная активность является исчерпанным и, следовательно, общество нуждается в новых формах влияния на социальные перемены. Как мы видим, понимая то, что во многом отношение к социальным переменам зависит от того насколько россияне верят в перспективы в этой области, оказывается 60% россиян верят в успех осуществления модернизации в России, хотя бы в среднесрочной перспективе [7].

Казалось бы, наиболее приемлемым является повышение уровня политической активности, но как отмечалось ранее, существующие политические организации не воспринимаются, как структуры представительства граждан, а ресурсы влияния рассматриваются минимальными и сводятся к процедуре легитимации тех или иных политиков или политических партий. Для россиян очевидным является, что активность может приносить влияние на социальные изменения отличается от активности на социальном микроуровне и не является продолжением традиционной политической активности.

В рамках сложившейся модели становится очевидным, что потребительские ориентиры до сих пор актуальны в восприятии россиян, если следовать формуле «жить не хуже других». В общественных настроениях присутствует скептицизм относительно в оценке граждан на социальные перемены, что по традиции перемены продолжаются как перемены сверху, необходимо учитывать, что в обществе вырос социально активный слой, следование привычной традиции не является формулой жизни. Вместе с тем, нельзя сбрасывать со счетов, для большинства россиян социальные перемены по-прежнему остаются переменами, которые происходят за пределами жизни, если оказывают влияние то это связано с тем, что эти перемены необходимо принимать как неизбежность.

Социальный фатализм, конечно не присущ российскому обществу россиянам «не за что бороться» так как в отличие от европейского сообщества, где ощутимым являлись результаты периода социального благоденствия, для россиян только смутно вырисовываются эти перспективы. И так как государство является основным работодателем, и от государственного бюджета социальной политики, не трудно догадаться, что социальные изменения связываются с переменой в верхах.

В описанной ситуации представляется необходимым отметить, что российское общество достигло понимания социальной активности как фактора влияния, но не определилось в каких границах, может быть социально эффективным. Массовое сознание россиян, улавливая тренды общественного развития, в нынешних условиях достаточно безучастно относится к различным политическим инициативам, вроде бы открывающим перспективы для переопределения форм политической активности. В то же время низовые формы политической активности не привились в российском обществе и ожидать широкого движения инициативы сверху не приходится.

Можно придти к выводу, что обеспечение социальной справедливости, которое набирает мнение трети голосов россиян, является, все-таки, резонансом социальной дифференциации произошедшей в российском обществе. Во многом отягощено тем, что отрицается роль демократии, как инструмента повышения общественно политической активности граждан. Продолжая эту тему, можно сказать, что для общества, социальный связан с той функцией, которое выполняет государство, а правовая и социальная инициатива граждан, в том значение, как фактор поддержки.

Рассматривая условия реализации социальной активности, можно сказать, что, казалось бы, возросшем организационном факторе, многообразии общественных организаций, речь идет в данном случае о влиянии относительно узкий российского общества и в динамике взглядов россиян на то, что каждый человек должен иметь собственное мнение 74%. Есть обнадеживающий момент, который, однако же, пока фиксирует разрыв между социальной самооценкой личностными установками и социальной реальностью. При недоверии социального посредничества как пресса 32% отмечает, что ее свободу можно ограничивать [8].

В целом, можно констатировать, что такие радикальные обычные для зарубежного сообщества как формы забастовки, демонстраций, хотя и имеют только 18% несогласных, в реальности не вызывают интереса. Кроме того, заметно сократилось число тех, кто считает эти формы наиболее приемлемыми, чтобы повлиять на инициирование социальных перемен. Являясь сторонниками общества справедливого и разумно устроенного общества, российское население видит главную цель, чтобы были обеспечены гарантии справедливости, именно организациями государством, сопоставимые позиции структур социальной активности кажется скромными. При этом важно отметить, что существующий в российском обществе уровень социальной активности, кажется недостаточным независимо от уровня жизни, динамики личного благополучия и обеспеченности ресурсной социальной самооценки. Подавляющее большинство населения согласно с тем, что Россия должна быть обществом, в котором был бы найден компромисс между «новороссами» и консервативным большинством [9].

Таким образом, социальная активность в российском обществе, воспроизводится виде запроса на социальные ожидания, который связан с актуальными вопросами затрагивающий преимущественно социальный микроуровень. С другой стороны, нельзя «ставить» однозначную оценку, готовности россиян инициировать социальную активность с влиянием на социальные перемены. В принципе можно о предшествующем негативном опыте, который привел к тому, что социальная активность, оказывается, всегда является не соответствующей заявленным целям, что усилия населения мимо элиты, которая тем или иным образом реализует социальные изменения. Упрощенная и в то же время широко распространенная трактовка, изменения проводятся преимущественно в интересах групп влияния. Для населения изменения, связаны с очередным перераспределением власти или собственности, как самых важных ресурсов российской общественной жизни.

В том, что социальные изменения в российском обществе, должны быть социоориентированными, работать на благо подавляющего, для большинства девизом дня, то каким образом можно сократить реальный разрыв в жизни россиян, достичь того, что называется социальным консенсусом, есть не малые отличия. Судя по результатам социологических исследований, так и не сформировалось ядро, класс, которой можно было бы инициировать взаимосвязь между социальной активностью населения и социальными изменениями. Естественно, нельзя не задаться вопросом, по поводу того, что социальная активность на микроуровне имеет барьерный характер, для того, чтобы влиять на системный характер социальных изменений.

Другими словами, можно сказать, что социальные изменения концентрируются, в повседневной активности россиян. Формирующиеся общественные структуры, ориентируются на то, чтобы стать влиятельными социальными игроками, но как пишет И.А. Халий, в том, что россияне называют общественным форумом, не имеет место аргументации, в пользу развития гражданского общества, как основного актора основных социальных изменений [10].

В таких ситуациях, общественность вынуждена действовать по логике оптимального, то есть объединять свои усилия с теми организациями, которые выступают как инициаторами местного, локального развития. Большинство же опрашиваемых россиян, судя по результатам социологических исследований, так и находятся под влиянием позиций «от нас ничего не зависит», хотя можно предположить, что местные инициативы пробивают брешь в монолитности безразличия. Но главным тормозом на пути объединения людей, остается отсутствие осознанных и сформулированных интересов [11]. Одно дело, заявлять о необходимости социальной справедливости, мощного государства, другое определить движение к этим целям.

Итак, можно сделать вывод, что, во-первых, отношение к социальной активности российского общества реализуется в поведенческих стратегиях поддержания традиционной активности

условной поддержки, и антисистемных действий. Что приводит к мысли об отсутствии устойчивого ядра социальной активности, так как условная стратегия условной поддержке, несмотря на наибольшую популярность во взглядах россиян не содержит интегральных, объединительных тенденций и определяется ситуативным виденьем социальной активности.

Во-вторых, в пределах пространства социальной активности действуют сдерживающие регуляторы, связанные как с тем, что социальная активность понимается как часто политическая активность, имеющая негативные оценки, прежде всего, по пост перестроечному и раннее реформенному периоду и в том, что социальная активность профессионализируются, выступает как сфера компетентности профессиональных организаторов и экспертов, которые не учитывают влияния позиций не экспертного большинства. В-третьих, в контексте изменений российского общества, следует отметить, что преобладает тенденция консервативного взгляда на изменения, так как превалирующие идеалы равенства перед законом и идеалом, связываются с надеждами на усиление роли государства, а социальные изменения, происходящие снизу, рассматриваются как стихийные, содержащие деструктивизм и неопределенность результатов. Эти выводы нацеливают на анализ социально-ценностных оснований социальной активности и целостность порождаемых ее идентификационных матриц и в соответствии определить, каков будущий сценарий активности в российском обществе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Горшков М.К.* Российское общество как оно есть. М., 2011.
2. Готово ли общество к модернизации. М., 2011.
3. О чем мечтают россияне? М., 2012.
4. *Халий И.А.* Современные общественные движения. М., 2007.
5. Там же.
6. Там же.
7. Там же.
8. Готово ли российское общество к модернизации. М., 2011.
9. О чем мечтают россияне? М., 2012.
10. *Халий И.А.* Современные общественные движения. М., 2007.
11. Там же.